

УДК 930.85(470)

DOI: 10.28995/2073-6355-2018-6-106-120

«Вольнодумство»
в первые годы Советской власти

Андрей Л. Юрганов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, Iurganov@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматривается феномен «вольнодумства» в первые годы Советской власти, когда большая часть модернистской общественности вынуждена была согласиться с тем, что произошла смена власти. Модернистам следует принять «диктатуру пролетариата» так, чтобы сохранить себя – и не раствориться в новой и чужой среде. Вольнодумство – ответ на большевистский переворот, оно предполагало, что радикальные изменения коснулись только внешних форм – самой цивилизации, но в области культуры возможна полная автономия личности с ее художественными и философскими предпочтениями.

Ключевые слова: модернизм, диктатура пролетариата, Вольная философская ассоциация, Сергей Есенин, Александр Блок, цивилизация, культура

Для цитирования: Юрганов А.Л. «Вольнодумство» в первые годы Советской власти // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 6 (39). С. 106–120. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-6-106-120

Free-thinking (vol'nodumstvo) in the first years of Soviet power

Andrey L. Iurganov

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, Iurganov@yandex.ru*

Abstract. The article examines the phenomenon of “freethinking” in the early years of Soviet power, when most of the modern society was forced to agree that there was a change of power. Modernists should adopt the “dictatorship of the proletariat” in such a way as to preserve themselves – and not to dissolve in a new and alien environment. Free-thinking is the answer to the Bolshevik coup, it presupposed that radical changes affected only the external forms-civilization itself, but in the field of culture, complete autonomy of the individual with its artistic and philosophical preferences is possible.

Keywords: modernism, dictatorship of the proletariat, Free Philosophical Association, Sergei Yesenin, Alexander Block, civilization, culture

For citation: Iurganov AL. Free-thinking (vol'nodumstvo) in the first years of Soviet power. *RSUH/ RGGU Bulletin. “History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies” Series.* 2018;6(39):106-20. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-6-106-120

Скифский манифест

Как реагировала модернистская общественность на победу пролетариата, большевиков, на смену власти? Какие приоритеты теперь оказывались важнейшими? Очевидно, что «вольнодумство» неслучайно стало общим маркирующим обозначением прав личности на свободу мысли в новых условиях.

Наиболее ранний памятник вольнодумства, возникший еще до октябрьского переворота, – «Скифский манифест», составленный в июне-июле 1917 г. теми, кто чуть позже создаст Вольную философскую Ассоциацию (Вольфилу). Были опубликованы два выпуска литературного сборника под названием «Скифы» (1917, 1918). С издательством «Скифы» сотрудничал Сергей Есенин, и сборник стихов «Голубень» вышел именно в этом издательстве¹.

¹ См. об отношениях Есенина со «Скифами», Ивановым-Разумником [2 с. 158–159, 166].

По мнению В. Белоуса, «без преувеличения можно сказать, что “скифов” сблизил самые разнообразные мировоззренческие интенции: имманентный субъективизм Иванова-Разумника, символизм А. Блока, антропософские искания Андрея Белого, мифотворчество А. Ремизова, философия “беспочвенничества» Л. Шестова, “жизнетворчество” М. Пришвина, “иннормизм” Конст. Эрберга. Соответственно и Вольфила состоялась главным образом потому, что каждый из тех, кто принял участие в ее организации и ее работе, был носителем своей собственной философии, каждый ориентировался на максимально высокую индивидуальную духовную и творческую планку. Это обстоятельство, возможно, и дало основания Иванову-Разумнику назвать общий принцип, который объединил всех его коллег и друзей, – духовный максимализм» [1 с. 18].

Если судить по черновику «Скифского манифеста», то духовный максимализм² был проявлением культа личности в эстетическом, революционном, максимально одухотворенном творчестве³.

Прежний культ Красоты, столь волновавший читателей «Вопросов Жизни» (1905), вновь противостоял, но теперь не позитивизму, а ограниченности не дерзающей, не вольной, но мещанской, противостоял реформистской Правде, ищущей только Справедливость, но не Правду-Красоту в духовной революции: «...в разрушении и творчестве – он (скиф. – А. Ю.) не ищет другого творца, кроме собственной руки – руки человека, вольного и дерзающего. Вольного и дерзающего. Ибо нет, в каноне его жизни, ни скопческих запретов клириков единоспасающей Правды-Истины, ни втройне лицемерных запретов политиков Правды-Справедливости. Ничего – кроме Жизни, кроме Правды-Красоты, изначальной, истинной, и Справедливость и Истину определяющей Правды» [2 с. 20].

² «Скифство» не имело стройной философской системы, тем не менее оно выработало свое культурное видение, формулу революционного преобразования современности, указывающую путь в утопическое будущее. “Скифство” разрабатывало три основные темы: 1) варварский максимализм; 2) русское национальное самосознание и 3) место России между Востоком и Западом» (*Хоффман С.* Есть ли место «скифским» мотивам в современном идеологическом спектре? [3 с. 129]).

³ «Собравшиеся в Вольфиле “критически мыслящие личности”, вопреки неблагоприятным обстоятельствам, пытались строить свои философские системы, отталкиваясь от “я” как единственно реальной антропологической данности – своеобразного центра мира, наделенного самосознанием и волей» [1 с. 159].

Суть духовного максимализма⁴ – в понимании Зла как середины, плоскости, усредненности. Но если в эпоху Первой русской революции эту усредненность видели в утилитарном сознании позитивистской общественности, не желавшей признавать мистические основания Жизни, то теперь – в развитие модернистского учения о природе Зла – Иванов-Разумник говорил о залегании зла в духе всякого Компромисса, в котором виделся безликий реформизм, не желающий полного духовного преобразования. Компромисс оказывался Мещанином в одежде Эллина, чтобы «бороться со Скифом». Мещанин, по природе своей бескрылый и серый, стремится к трезвости и плоскости, «ибо для него не Личность, а Деяние есть самоценность, цель и высший Судия». Компромисс губит эстетику, науку, искусство, теперь он губит мировой социализм, «покоряя его духу Компромисса». Мещанин в одежде Эллина – только маска: если ее сорвать, то все увидят мелкого и злобного врага Скифа.

Неонародничество и ницшеанство

Эта концепция Зла Иванова-Разумника была неонароднической, и именно неонародничество стало приемлемой основой для сотрудничества модернистов с новой властью. Они, вслед за Герценом, возвышали Личность как первооснову мировой революции, но не забывали и о личной ответственности перед обществом, народом. Синтез личных и общественных интересов был приоритетом. Прежним оставался модернистский мотив «переоценки ценностей», но теперь он вписывался в понимание Зла как инструмент освобождения личности от бремени реформаторства в условиях мировой революции духа: «...мещанскую самоценность действий надо заменить самоценностью личности человеческой».

Ницшеанский дух не покидал пределы русского модернизма:

Политику, право, мораль, – все надо переоценить так, как переоценивали их творцы великих этических и социальных систем. Переоценка давно сделана – вопрос в жизненном применении ее⁵.

⁴ В черновике доклада «Что такое максимализм» Андрей Белый писал: «Очерк мировоззрения максималиста: “я – мы”: создание мира, “Я” не зависит от мира, но мир от меня, однако: ответственность за себя, как за мир: *соблазн последней передержки*» [4 с. 453].

⁵ *Иванов-Разумник Р.* Испытание огнем (1914–1915) [5 с. 304].

Однако приспособление к условиям диктатуры пролетариата требовало теоретического обоснования. Далеко не все в идейном арсенале модернизма соответствовало духу большевистского переворота. Личность с ее духовными потребностями, самостийностью, необходимо было соотнести с диктатурой класса – независимость и свободу с обязательствами перед победившим в революции народом. Модернизм перестал бы существовать в одночасье, если бы признал примат диктатуры над личностью, но как объяснить «диктатуре», что не везде и не всегда она имеет преимущество перед личностью?..

Как ни странно, объяснение столь непростой головоломки было не только найдено, но даже стало общей конвенцией, по крайней мере, питерских модернистов. Едва ли не сам А. Блок первым положил начало различению того, что есть цивилизация и что есть культура. 16 ноября 1919 г. он прочитал в Вольфиле доклад «Крушение гуманизма». Нельзя сказать, что его выступление было понято всеми одинаково, скорее нет, но он изложил пессимистический взгляд на гибель европейского гуманизма, индивидуализма, и одновременно высказал оптимистическую мысль о сохранении потерянных идеалов во внутреннем мире культуры, которую творит не масса, не толпа, а личность. «Нам действительно нужно то, что относится к культуре; и нам не особенно нужно то, что относится к цивилизации» [1 с. 110].

Новая конвенция – культурное «вольнодумство»

Так был осуществлен поворот к новому модернистскому согласию признавать классовую природу событий революции в изменении внешних форм цивилизации и невозможность диктатуры пролетариата в области культуры, ибо цивилизация – это внешнее, а культура – всегда внутреннее.

21 марта 1921 г. была проведена «беседа» о пролетарской культуре. И хотя Блок и Горький по разным причинам не явились на заседание, обсуждение было очень насыщенным, количество слушателей исчислялось даже не сотнями, а тысячами.

Доклад Андрея Белого ознаменовал собой понимание культуры как свободной от всякой исторической необходимости, включая материальные потребности человека, свободной от механицизма идеологии марксизма, ибо пролетариат устремлен не к узкоклассовому господству, а к «всечеловеческой культуре» [1 с. 205].

Иванов-Разумник, склонный к формулам, уточнил мысль Белого, говоря о том, что «цивилизация – внешние формы, культура – внутреннее содержание» [1 с. 208]. Культура не может

быть классовой, классовой бывает только цивилизация. Но цивилизация тяготеет к интернационализму, а культура ищет себя в национальном.

Что же тогда есть «пролетарская культура», если пролетариат относится к сфере внешних событий цивилизации, и не может диктовать свою классовую волю в культуре?

Иванов-Разумник не отказывал пролетариату в праве когда-нибудь обрести свою культуру, но «сегодня», в текущей жизни, нет и не может быть и речи о наличии какой-либо отдельной «пролетарской культуры», ибо, как образно он выразился, «прошло всего три дня мировой истории с тех пор, как пролетариат начал себя проявлять...» [1 с. 210]. Культура – явление национальное, народное, внеклассовое.

...В “пролетарскую культуру” я не верю и таковой не знаю, так же как не знаю и “культуры буржуазной”: в пролетарскую цивилизацию я верю, и верю, что, смыв буржуазную цивилизацию прежних столетий, она построит на смывом месте нечто новое, нечто свое [1 с. 213].

Культура – «творчество всенародное», ибо «дух дышит, где хочет».

Большинство выступавших поддержали тезисы Иванова-Разумника, развивая те или иные аспекты «пролетарской культуры».

А. Мейер говорил о том, что культура – это всегда наследство, преемство, она никогда не начинается заново, и потому понятие «пролетарская культура» таит в себе противоречие. В современном виде пролетарская культура в области искусства, заметил он весьма прозорливо, «сводится к футуристическому механическому пониманию жизни» [1 с. 218].

В новой модернистской конвенции, различавшей цивилизацию и культуру, зрело сильное неприятие механического начала в понимании жизни, свойственного марксизму. Мейер говорил: «Нужно вдуматься в то противопоставление органического и механического, к которому приходит Андрей Белый» [1 с. 218–219].

Да, только органическое понимание может быть связано с чувством и с введением свободы, – кто стоит в плоскости механического представления жизни, тот совсем свободы не знает, там о свободе нет и помину, там, говоря грубо, не пахнет свободой. Поэтому переход к этой органической жизни от механической есть переход к свободе, есть, пожалуй, высвобождение человеческой свободы [1 с. 219].

Механическое (марксистское) начало в культуре стал обосновывать в своем докладе Н.Н. Пунин. Он утверждал, что новая пролетарская культура будет строиться на «основании механического понимания истории и механического понимания культурного строительства».

Пролетариат существовал всегда, и именно потому, что он существовал всегда, мы и определяем пролетариат как то человеческое, что было подавлено, было поработщено теми условными государственными формами, которые существовали с самых ранних лет исторического развития человечества [1 с. 221].

Пророческим было выступление А. Гизетти. Он увидел величайший «соблазн на пути пролетариата». Обездоленный, лишенный богатств, собственности, он «может в момент получения власти стать новым господином, новым деспотом, четвертым сословием», и «тогда личность ничего не получит в этом новом обществе, а получит только страшное чудовище – государство».

А пролетариат борется за освобождение, так что в будущем ему предстоит или стать новой какой-то буржуазией, если хотите, даже грядущим мещанином, или отдать себя на жертву и на растерзание молоху государственности, будет служакой у целого, а не у отдельного хозяина, только членом громадной механической машины, той механической культуры, которую здесь идеализировал Н.Н. Пунин, образец которой он видит в Германии. Но эта культура будущего, если она наступит, должна нам представляться не высвобождением и не радостью, и на вопрос, должна ли она быть, я бы не колеблясь ответил – если это так, с этим нужно бороться до последних сил (аплодисменты), потому что это картины такого будущего, когда страшное существо с многочисленными щупальцами, у которых ум отнял душу, у которых есть только одна техника, одно умение организации для выращивания будущего человечества, потому что это культура жестокая, бездушная, убивающая личность [1 с. 232–233].

Модернистская мысль⁶ искала гармонию между неповторимым Я и Мы пролетарского коллективизма, и находила ее в разных

⁶ 18 января 1920 г. в Вольфиле состоялось заседание, посвященное памяти А.И. Герцена (к 50-летию со дня его смерти). Наибольший интерес вызвали доклады С.А. Венгерова и А.А. Гизетти. Последний сказал, что

функциях того и другого, – «цивилизация есть тело человечества, культура – душа цивилизации» [1 с. 237] (Из доклада В.Г. Черткова). Эту мысль поддержала и Гурлянд-Ильяшева: «Цивилизация есть внешние формы, в которых проявляются внешние условия нашей жизни. Культура же – внутреннее свободное достижение, а там, где царит свобода, там возможно полное понимание и там возможно шествие вперед к вечному царству отдельных личностей и широких масс» [1 с. 245].

В сентябре 1921 г. открылось отделение Вольной философской ассоциации в Москве (в составе Совета: Г.Г. Шпет, М.П. Столяров, С.Д. Мстиславский, Я.М. Новомирский; в составе действительных членов: Н.А. Бердяев, М.О. Гершензон, Б.П. Вышеславцев и др.). В числе кандидатов в действительные члены Ассоциации был Сергей Есенин. Первое заседание московской Вольфилы состоялось 15 октября 1921 г., на котором был заслушан доклад Андрея Белого «Достоевский и кризис культуры».

«Ассоциация Вольнодумцев» в Москве

В московском отделении так же, как и в питерской Ассоциации, сталкивались две основные силы – модернистские, выступавшие за внутреннюю свободу культуры, и лево-футуристические, утверждавшие необходимость не духовного, но «материального творчества». Один из таких противников модернизма, Н.А. Полянский, утверждал, что «знание хочет стать творчеством, имея религию – без Бога, философию – без “духа”, науку – без “природы” и себя – без “истории”» [4 с. 223–224].

«Ассоциация Вольнодумцев» в Москве была частью общего процесса адаптации модернистов в условиях новой России⁷.

Герцен сделал главное в своей жизни – провозгласил возвышенную идею «верховой ценности реальной человеческой личности». Гармонию, по мнению Гизетти, Герцен видел через ответственность личности перед обществом, но все же личность обязательно в центре мироздания, обязательно вне диктата общества: «Герцен никогда не разочаровывался в социализме окончательно, он только боялся за него и предостерегал от превращения “общества” в идол, заслоняющий живую личность» [1 с. 145].

⁷ В ее планы деятельности, начиная с 1919 г., входило участие Сергея Есенина, а в 1921 г. поэт уехал в Берлин с удостоверением члена-сотрудника московского отделения Вольной Философской Ассоциации.

Документ о ее законном существовании был подписан А.В. Луначарским 24 сентября 1919 г.

Устав «Ассоциации Вольнодумцев» подписали так и в таком порядке: С. Есенин, Д. Марьянов, Як. Блюмкин, А. Мариенгоф, А. Сахаров, И. Старцев, М. Герасимов, Марк Криницкий, А. Силин, Колобов, В. Шершеневич, М. Ройзман.

В Уставе утверждалось, что Ассоциация «есть культурно-просветительское учреждение, ставящее себе целью духовное и экономическое объединение свободных мыслителей и художников, творящих в духе мировой революции» [6 л. 18]. А.В. Луначарский заверил документ гербовой печатью Наркомпроса и сделал помету (24.09.1919 г.): «Подобные общества в Советской России в утверждениях не нуждаются. Во всяком случае, целям Ассоциации я сочувствую и отдельную печать разрешаю иметь»⁸.

По воспоминаниям М. Ройзмана, Есенин предложил ему написать Устав «Ассоциации Вольнодумцев», оговаривая практическую надобность организации⁹:

– Я задумал учредить литературное общество, – сказал Есенин, – и хочу привлечь тебя. Он дал мне напечатанную бумагу. Читай!

Это был устав «Ассоциации вольнодумцев в Москве». Там было сказано: «Ассоциация» ставит целью духовно-экономическое объединение свободных мыслителей и художников, творящих в духе мировой революции и ведущих самое широкое распространение искусства путем устного и печатного слова». Действительными членами «Ассоциации» могли быть мыслители, художники, как-то: поэты, беллетристы, композиторы, режиссеры театра, живописцы и скульпторы...

– Прочитай и подписывай! – заявил Есенин.

– Сергей Александрович! – заколебался я. – Я же только-только начинаю!

⁸ Подлинник хранится в личном фонде М. Ройзмана [6 л. 23]. В документах полное название Ассоциации звучало так: «Промысловое Кооперативное Товарищество под названием «Ассоциация Вольнодумцев»» [6 л. 18].

⁹ «...Т-во имеет целью: издательскую и клубную деятельность. Т-во пользуется всеми правами юридического лица, в частности, можно с соблюдением узаконений приобретать, закладывать и отчуждать движимое имущество и строения, арендовать помещения и предприятия, составлять капиталы, устраивать мастерские, заводы, склады, приобретать орудия производства и материалы» – говорилось в *типовом* Уставе промышленной кооперации, согласно которому можно было заниматься настоящей предпринимательской деятельностью [6. Л. 18].

– Подписывай! – Он наклонился и, понизив голос, добавил: – Вопрос идет об издательстве, журнале, литературном кафе... [7 с. 31–32].

В распоряжении имажинистов находилось несколько издательств, две книжные лавки, кафе «Стойло Пегаса» (на Тверской, дом 37).

20 февраля 1920 г. состоялось первое заседание «Ассоциации вольнодумцев»: Есенин был выбран председателем, Ройзман – секретарем¹⁰. Ассоциация вольнодумцев планировала выпускать сугубо литературный альманах («Гостиница для путешественников в прекрасном») и толстый журнал «Вольнодумец».

Вопрос о типографии для журналов, о бумаге, о гонорарах для сотрудников решили обсудить на ближайшем заседании. Тут же были утверждены членами «Ассоциации», по предложению Есенина, скульптор С.Т. Коненков, режиссер В.Э. Мейерхольд; по предложению Мариенгофа – режиссер А. Таиров; Шершеневич пытался провести в члены «Ассоциации» артиста Камерного театра О., читавшего стихи имажинистов, но его кандидатуру отклонили... «Ассоциация Вольнодумцев в Москве» поквартально отчитывалась перед культотделом Московского Совета и перед Мосфинотделом. Под маркой «Ассоциации» в столице и в провинциальных городах проводились литературные вечера, главным образом, поэтов, а также лекции (В. Шершеневич, Марк Криницкий и др.). В 1920–1921 гг. «Ассоциация» устроила несколько вечеров в пользу комиссии помощи голодающим [7 с. 38].

¹⁰ Немногочисленные хозяйственные документы Ассоциации отложились в личном фонде М. Ройзмана [6 л. 21–25]. Сохранился документ, свидетельствующий о том, что Ассоциация занималась и благотворительностью. 7 октября 1924 г. из административного отдела Московского Совета рабочих и крестьянских депутатов было направлено письмо тов. Кудряшову (МК РКП(б)), в котором говорилось, в частности: «Ассоциация вольнодумцев, гр. Ройзман, обратился ко мне с просьбой указать ему, каким образом они могут давать до 100 обедов в день по дешевым ценам для нуждающихся. Мне кажется, что наши студенты нуждаются в этом и поэтому я посылаю его для переговоров к Вам» [6 л. 25]. Здесь же сохранилась рекомендация А.В. Луначарского (от 2 января 1924 г.) на отдельном листке (но без печати): «Ассоциация Вольнодумцев, членами которой состоят поэты и художники, руководимые Ивневым, Мариенгофом, Коненковым и др., мне известна как организация ведущая культурно-просветительскую общественно-полезную работу; поэтому прошу оказывать в ее деятельности возможную поддержку и содействие» [6 л. 20].

Если альманах «Гостиница для путешественников в прекрасном» (под общим руководством А. Мариенгофа) увидел свет в четырех номерах, то журнал «Вольнодумец», который взялся курировать Есенин, так и не был отпечатан.

Альманах «Вольнодумец» и Сергей Есенин

«Вольнодумец» стал для поэта и тяжелой ношей, и знаком судьбы. Известным всей стране и одновременно одиноким, желавшим собрать лучшие литературные силы и не умевшим толком ничего организовать, – таким вольнодумцем был сам поэт. Технически издать журнал было нетрудно, но сделать этого он уже не мог...

Зимой 1924 г. М. Ройзман встретил поэта на углу Брюсовского переулка: «...он был в своей знаменитой шубе с бобровым воротником, в шапке с черной плюшевой тульей, опоясанной полоской такого же меха с сединой. Он уже хлопотал об издании журнала “Вольнодумец” и рассказал о своих хождениях по мукам» [7 с. 211].

В апреле 1924 г. между ними состоялся разговор на эту тему.

– Хорошие стихи, а напечатаны в подборку, – произнес с досадой Есенин, захлопывая сборник. Такого безобразия в «Вольнодумце» не будет! Я спросил, дано ли разрешение на издание «Вольнодумца». Он ответил, что теперь это его меньше всего волнует. Он подбирает основных сотрудников журнала, для чего встречается с многими писателями и поэтами. По его планам, в «Вольнодумце» будут участвовать *не связанные ни с какими группами литераторы. Они должны вольно думать!* (курсив мой. – А. Ю.) Он хотел печатать в «Вольнодумце» прозу и поэзию самого высокого мастерства, чтобы журнал поднялся на три головы выше «Красной нови» и стал образцом для толстых журналов. Конечно, в «Вольнодумце» обязательно будут помещаться произведения молодых авторов, только с большим отбором и с условием, если у них есть что-нибудь за душой. Он говорил о журнале, то вскакивая с кресла, то снова опускаясь на него. Он распределял в «Вольнодумце» материал, сдавал его в типографию, корректировал, беседовал с директором Госиздата, договаривался о распространении издания. Иванов напомнил ему об отделе «Вольные думы», где должны помещаться статьи и письма критиков, читателей, авторов. Есенин привел воображаемый пример: вот на страницах журнала напечатана вещь, вот вокруг нее в отделе поднялась драка: одни хвалят, другие ругают, третьи – ни то ни се! Но перья скрипят, интерес подогревается. Редакция, автор, критик читают и на ус наматывают. Я спросил, кто

намечен в сотрудники «Вольнодумца». Сергей сказал, что для прозы у него есть три кита: Иванов, Пильняк, Леонов. Для поэзии старая гвардия: Брюсов, Белый, Блок – посмертно. Еще Городецкий, Клюев.

– А новая гвардия?

– Будет! Надо договориться впрок!

Есенин хотел издавать журнал, который бы собирал вокруг себя литераторов. Однако писатели и поэты уже насколько разошлись в своем понимании задач художественной литературы, что объединить всех, и попутчиков, и не попутчиков, уже было невозможно...

При издании своих воспоминаний о Есенине М.Д. Ройзман некоторые свои суждения не обнародовал. То ли это был результат внешней цензуры, то ли он сам так решил – неизвестно. Сравнение текстов, опубликованного и рукописного, показывает, что были опущены его объяснения того, почему «Вольнодумец» не состоялся. Не были опубликованы и другие детали, которые, скорее всего, показались ему не слишком уж важными, а между тем они привлекают наше внимание.

В рукописи книги, в главе, посвященной «Вольнодумцу», читаем: «Захаживал Сергей и к Либединскому, но мне не пришлось поговорить с Юрием Николаевичем на интересующую меня тему, *не удалось* (зачеркнуто в тексте. – А. Ю.)» [8 л. 36]. Обращение к одному из самых ярких деятелей пролеткультовского направления в литературе было связано, скорее всего, с идеей поэта об объединении литературных сил, пусть и очень разных¹¹.

О причине провала «Вольнодумца» Ройзман написал с откровенной характеристикой «болезненного состояния» Сергея Есенина (возможно, по этой причине фрагмент и не был опубликован):

После слов в книге – «Ради того чтобы работать в полную силу, он подолгу жил вне Москвы и, естественно, не мог заниматься подготовкой журнала!» – следовал такой, не вошедший в книгу, текст:

Поэтому он не сумел подготовить нужных ему литераторов к разговору об их участии в «Вольнодумце». Да и сами они усомнились бы в начинании Есенина, потому что его болезненное состояние значительно ухудшилось: если в 1919 году он хотел вести за собой

¹¹ Сергею Есенину принадлежат такие слова (1919): «...все эти пролеткульта есть те же самые по старому образцу розги человеческого творчества» [2 с. 207].

советскую литературу, то теперь понимал *чувствовал* (зачеркнуто в тексте. – А. Ю.), что не в состоянии это сделать [8 л. 36].

Возможно, этот фрагмент не был опубликован еще и потому, что чуть выше говорилось о том, что в 1924–1925 гг. у Есенина было «время самой плодотворной творческой работы», и сам поэт заявлял: «Наступила моя пора Болдинской осени!»

Неизвестное науке свидетельство Ройзмана подтверждает, что Есенин мог покончить с собой из-за психологической депрессии, колебания его настроений могли сыграть роковую роль в его судьбе.

Ройзман писал:

Не будь ссоры между Есениным и Мариенгофом, «Вольнодумец» давно бы выходил под весьма подходящей для него маркой «Ассоциации вольнодумцев». А если бы Сергей и редактировал этот журнал, он бы, как не раз говорил, «делал большую литературу». Естественно, эта неосуществленная мечта заставила бы его резко изменить образ своей жизни. Конечно, руководя любимым «Вольнодумцем», никогда бы он не поехал в Ленинград, чтобы редактировать другой журнал, никогда не попал бы в проклятый «Англетер» [7 с. 250].

В конце 1923 г., когда Сергей Есенин собирался организовать группу крестьянских поэтов, состоялся разговор в «Стойле Пегаса» между Есениным и Михаилом Герасимовым, основателем литературного объединения «Кузница». Третьим в разговоре был М. Ройзман.

...Герасимов сказал:

– Зря ты все это затеял. Сам говорил, что ты не крестьянский поэт. А теперь, после «Москвы кабацкой», стал крестьянином? Да и грешки твои помнят.

– Это какие же?

– Писал стихи о царе.

– Я писал о царевнах. Они были попечительницами лазарета в Царском Селе. Я написал о раненых, а о царевнах две строчки. Начальник лазарета полковник Ломан велел о царевнах написать, как следует. А то пообещал отправить меня в дисциплинарный батальон. Прямо под немецкие пули. Вот и пришлось! А о царе – вот! – и Сергей выразительно показал кукиш.

– Тебе же за эти стихи поднесли золотые часы с цепочкой!

– Улыбнулись они мне. Так и остались в лазарете. Хотел загнать – деньги позарез нужны были...

Этот разговор был прерван приходом писателя Марка Криницкого: он должен был читать лекцию, а ее запретили. Он просил Есенина помочь. Сергей стал читать план лекции. Герасимов попросался, ушел. Мне пришлось спуститься вниз, напечатать письмо в Накромпрос и заявление на имя начальника Главлита с просьбой разрешить лекцию члену «Ассоциации» Криницкому. Есенин подписал это заявление, и Криницкий, поблагодарив его, покинул «Стойло» [7 с. 239].

Чтение лекций не было, как видно, простым и будничным. Запрещение публичной лекции в конце 1923 г. – примета времени, и такой же приметой были записочки, письма, личные связи, при помощи которых улаживались трудные ситуации со свободой слова.

Никогда бы пролетарский писатель или поэт, близкий идеям Пролеткульта, не назвал себя «вольнодумцем». Как ни относиться к радикальности (или умеренности) либеральных суждений русской интеллигенции, в недрах самого слова (вольная дума / мысль) залегало обособление Я как свободной личности от мыслей всех прочих, от всякой растворяемости личности в массе. Нередко конфликт завершался трагически, ломал человеческие судьбы. Вольнодумство в советской культуре не могло остановить процесс изъятия у личности права быть творцом в своей художественной или философской реальности. Оно было обречено на поражение, но оставило мощные следы духовного сопротивления.

Литература

1. Белоус В.Г. Вольфила [Петроградская Вольная философская ассоциация]: 1919–1924. М.: Модест Колеров и «Три квадрата», 2005. Кн. 1: Предыстория. Заседания. 842 с.
2. Лекманов О., Свердлов М. Сергей Есенин: Биография. М.: АСТ, 2015. 608 с.
3. Иванов-Разумник Р.В. Личность. Творчество. Роль в культуре. СПб.: Глаголь, 1996. 151 с.
4. Белоус В.Г. Вольфила [Петроградская Вольная философская ассоциация]: 1919–1924. М.: Модест Колеров «Три квадрата», 2005. Кн. 2: Хроника. Портреты. 800 с.
5. Скифы: [Литературный сборник / Ред. Андрей Белый, Р.В. Иванов-Разумник, С.Д. Мстиславский]: [Сб. 1–2]. Пг.: Скифы, 1917–1918. Сб. 1. 309 с.
6. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 2809. Оп. 1. Д. 161.
7. Ройзман М. Все, что помню о Есенине. М.: Советская Россия, 1973. 269 с.
8. РГАЛИ. Ф. 2809. Оп. 1. Д. 70.

References

1. Belous VG. Volfila [Petrograd Free Philosophical Association]: 1919–1924. M.: Modest Kolerov i “Tri kvadrata” Publ.; 2005. Book 1: Prehistory. Meetings. 842 p. (In Russ.)
2. Lekmanov O., Sverdlov M. Sergei Yesenin. Biography. Moscow: AST Publ.; 2015. 608 p. (In Russ.)
3. Ivanov-Razumnik RV. Personality. Creation. Role in culture. Sankt-Peterburg: Glagol’ Publ.; 1996. 151 p. (In Russ.)
4. Belous VG. Volfila. [Petrograd Free Philosophical Association]: 1919–1924. Vol. 2. Moscow: Modest Kolerov i “Tri kvadrata” Publ.; 2005. Book 2: Chronicle. Portraits. 800 p. (In Russ.)
5. Scythians: [Bely Andrei, Ivanov-Razumnik RV, Mstislavsky SD., editors. Literary collection.] [Coll. 1–2]. Petrograd: Skify Publ.; 1917–1918. Coll. 1. 309 p. (In Russ.)
6. Russian State Archive of Literature and Art (RGALI). Fond 2809. Opys’ 1. Delo 161. (In Russ.)
7. Roizman M. Everything that i remember about Yesenin. Moscow: Sovetskaya Rossiya Publ.; 1973. 269 p. (In Russ.)
8. Russian State Archive of Literature and Art (RGALI). Fond 2809. Opys’ 1. Delo 70. (In Russ.)

Информация об авторе

Андрей Л. Юрганов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, Москва, 125993, Миусская пл., 6; Iurganov@yandex.ru

Information about the author

Andrey L. Iurganov, Dr. in History, professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russia; Iurganov@yandex.ru.